

ВОЕННОЕ ДЕЛО

Знание и Умение — Сила

Редакция и контора
журн.: Москва, Пречистенка, Мертвый п., 10.
Телеф. 18—89.
.....
Подписка принимается
в конторе журнала.
.....

Подписная цена:
на 1 мес. — 25 руб.,
на 3 мес. — 60 руб.,
на 1/2 года — 100 руб.
.....
Цена отдельного
номера 7 р.
Двойного 12 р.

== Военно-научный журнал Рабоче-Крестьянской Красной Армии. ==

№ 8. (72). ||

Москва, 26 апреля 1920 г.

|| 3. год издания.

СОДЕРЖАНИЕ:

Циркуляр Всероссийского Главного Штаба.
Единая военная доктрина.—А. С.
Некоторые выводы из опыта Великой войны. Вопросы стратегии
и тактики.—А. Незнамов.
Специализация разведывательной службы.—Разведот (2 схемы).

Стратегическое применение воздушного флота.—И. Штурмер (3 схемы).
Информационный отдел.
Иностранная военная хроника.
Русская военная хроника.
Объявления.

Циркуляр

Всероссийского Главного Штаба

31 марта 1920 года.

№ 2.

В виду полезных сведений военно-научного и технического характера, которые печатаются в военно-научном журнале „ВОЕННОЕ ДЕЛО“, таковой рекомендуется Советом Всероссийского Главного Штаба для выписки во все Военные Комиссариаты (окружные, губернские, уездные), военно-учебные заведения, курсы, отдельные части (запасные, территориальные кадры), равно и остальные управления и учреждения, подведомственные Всероссийскому Главному Штабу.

Адрес журнала „ВОЕННОЕ ДЕЛО“: Москва, Пречистенка, Мертвый пер., д № 10.

Условия подписки: на полгода 100 р., на год 180 р.

Подписали:

Начальник Всероссийского Главштаба *Раттель*.

Комиссар Штаба *Шарманов*.

Единая военная доктрина.

27 февраля и 12 марта, в очередные пятницы Военно-Исторической Комиссии, состоялся интересный доклад А. А. Свечина на тему об единой военной доктрине, а затем последовали очень живые и интересные прения. И эти прения вскрыли тот удивительный, пожалуй, неожиданный факт, что мнения присутствующих о военной доктрине оказались крайне разноречивыми, трудно сводимыми к одному целому и представили очень сложную лестницу du grand au ridicule. Это побудило автора нижеследующей статьи набросать сжатую картину и своих дум по затронутому вопросу.

Подойду к вопросу исторически. В области военных поражений от начала веков и поныне улавливаются два главнейших психологических момента: чувство ужаса, трепета пред врагом и чувство раздробленности и бессвязности; остальные моменты менее выпуклы и, вероятно, могут быть сведены к этим главным двум. Для того, чтобы вызвать первое чувство, в истории войн фигурировали раскрашенные войны, комбинация устрашающих звуков, слоны с косами на ногах, китайские драконы, а на наших глазах—артиллерийская подготовка, газовые волны, бросаемые с аэроплана бомбы; чтобы вызвать второе чувство, выдумывали стратагемы, проявляли вне-

запность, рвали связь, обходили с тыла, били косыми ударами и т. д. В первом случае наблюдалось скорое привыкание к ужасам; китайские драконы также быстро теряли свой пугательный смысл, как и немецкая 42-х сантиметровая гаубица; второй оказывался более сильным и прочным. Поэтому, для победных достижений всегда и упорно старались сохранить в рядах воюющих чувство связности или содружества, обуславливаемое, главным образом, единством действий и приемов. И вот стремление к единству, к цельной связности и является тем доминирующим девизом, который красной нитью проходит по страницам военной истории. „Один в поле не воин“ или „один за всех, а все за одного“—эти формулы так же хорошо знакомы дагемейцам, как и современным немцам или французам.

Во времена рудиментарных тактических форм, когда бои происходили на пяточке, а главнокомандующий лично и непосредственно мог руководить боем, единство действий достигалось без труда. Для этого довольно было несложного, но одинакового вооружения, нескольких усвоенных манипуляций с оружием и заученных на слух десятков—другой уставных правил, и с этим скромным багажом нехитрое военное искусство достигало своих победных целей. А если, паче чаяния, в бою наступали сюрпризы и войскам грозила перспектива разорванности или крушения единства, появлялся на помощь вождь с его знанием дела, высоким влиянием и чудесной находчивостью. Аннибал, по преданию, во время сражения при Каннах находится на небольшом холму и видимый каждому из своих соратников направляет их к сокращающей победе. Махмуд Газнийский в бою с узбеками сидит на огромном белом слоне и с него руководит, как всем боем, так и в частности действиями своей кавалерии.

В средние века военное дело не усложнилось, а сражающиеся отряды были еще скромнее, чем раньше, поэтому для проведения единства действий в жизнь достаточно было или современного военного искусства в форме некоторых теоретических положений, выводов из истории, уставных данных и усвоенных навыков или, в частном случае, наличности военной школы, созданной каким-либо великим мастером боевого дела.

Но уже в глубинах Азии нам приходится наблюдать нечто более сложное, чем одно лишь военное искусство, и именно в явлении Чингиса. Работая конными отрядами, по преимуществу, и разбрасывая их на многие сотни верст, великий монгол понимал, что единство военных действий подвергается большому риску и он старается обеспечить таковое целой серией приемов. Создает законы для народа, сильно приуро-

ченные к задачам войны, пишет законы и правила войны, организует систематические маневры (охоты), ведет очень частые беседы с начальниками, как перед войной, так перед боем и после него... Эти широкие и разнообразные пути к достижению единства военных действий и приемов выходят уже за рамки понятий военного искусства или военной школы и являют собою зародыш того, что мы называем ныне *военной доктриной*.

С первыми годами XIX столетия начинается период уширения и углубления войн, когда таковые последовательно идут к захвату всех сторон народной жизни, неуклонно проникая во всю толщу государственного организма: „Прошли те времена“, говорит Мольтке, „когда небольшие отряды, состоящие из наемных солдат, вызывались в поле во имя династических интересов лишь для того, чтобы, завоевавши какой-либо город или кусок территории, вернуться на зимние квартиры или заключить мир. Современные войны зовут к оружию целые народы, нет ни одной семьи, которая не была бы вовлечена в нее. Все финансовое могущество страны берется на учет и т. д.“ Так скромно писал Мольтке в 1887 году ¹⁾. А вот как говорит Штегеман, историк мировой войны 1914—1918 г.г. об ее размахе: „Война разорвала все связи, существовавшие между народами, и спутала все человеческие отношения. Старая Европа была сожжена на костре, сложенном из городов, деревень и лесов Бельгии, Франции, Восточной Пруссии, Сербии, Польши, Галиции, Румынии и Северной Италии. Безмерное число людей пало жертвою, хлебные поля Востока и культурные углы Запада были растоптаны апокалиптическими всадниками“.

Но в этой свалке народов и царств, когда война с площади, раньше обозреваемой с одной колокольни, расширяется до размеров площади чуть-ли не всей нашей грешной земли, главный стимул победы—единство и цельность действий—должен быть соблюден во что бы то ни стало, как бы это ни было трудно и как бы это ни было сложно. Теперь нужно какое-то единство действий, уже распространенное на все государство в его целом, продуманное и пережитое до войны и проведенное во время ее во всей широте и глубине своего содержания. Это будет какая-то сумма военных целей, понятий и приемов, принадлежащих не только военному слагаемому государства, а всему государству, это будет его цельное военное миросозерцание. И это то, что мы пока еще не отчетливо, расходясь в подробностях и формулировке, называем *единой военной доктриной*.

Жизнь властно задает это новое обобщение в области военных понятий, но нет ничего мудреного, что таковое по своей сложности и новизне легко нам не дается, вызывает разрозненность суждений и, может быть, окончательного будет осмыслено разве тогда, когда сама жизнь подведет искомой идее свой решающий итог.

Какие же элементы можно считать, скорее чувствовать, входящими в понятие единой военной доктрины?

Прежде всего ясно выявляется элемент *текущих государственных задач или достижений*; эти достижения составляют целевую сторону общего содержания, намечают собою тот фонарь, на который военная доктрина направит национальные и исторические заветы народа, опыт его военной истории, основы военной науки и т. д. У некоторых народов такие достижения насчитывают за собою многие сотни лет:

¹⁾ А. Н. Курспакин замечает в IV томе „Итогов Войны“, что все стороны жизни затрагиваются войною несравненно глубже чем раньше.

у Англии, напр., *неоспоримое господство на морях*, кумиру чего страна поклоняется всем своим духовным и материальным достоинствам; у других они тянутся десятки лет, как, напр., у Германии—*создание могучего средневропейского государства на платформе национального объединения*; у некоторых, как у Японии—*стремление на континент Азии и острова Великого Океана*, как охватывающий нацию политический мотив,—мы видим рожденным чуть-ли не на наших днях.

Вторым существенным элементом содержания военной доктрины будет совокупность *военных основ* в их теоретическом опознавании и в их практической разработке и приложении. В теоретическую часть войдут конечные выводы военной науки, последние итоги военной истории, ближайшее слово военной техники и т. д., т. е. существо современной военной науки и современного военного искусства, а в практическую — вся та сумма заблаговременных практических работ—организация всестороннего осведомления, планы кампаний, военно-воспитательная программа, область техники, мобилизация всех видов и т. д., в которую переливается в предвидении войны конечный теоретический итог военного дела.

Этот второй элемент иначе можно назвать областью *чужих военных понятий и разработок*.

Третьим элементом будет совокупность практических приемов, вытекающих как детализованное следствие из первых двух элементов и распространенных на сферу *военно-технического* — на полях сражений и *военно-материального* — в тылу страны. Учебники, инструкции, уставы, программы школ, маневры, руководящие указания в тылу, связанные с мобилизацией войск или отраслей народного труда, вот систематизированное выражение этих приемов.

Наконец, чувствуется еще один элемент в содержании военной доктрины, где будут проявляться *вековые особенности и суровки* народа, которые сыграют роль или коррективов, или прослоек, или замены того, что этому народу будет предложено в качестве теоретически идеального. Народ на всем — в бою, в тылу, в период подготовки к войне, во всяких перипетиях войны — проявит свои навыки, свой национальный уклад, может быть пойдет часто врозь с желаемым, часть наложит известную даже косность на совершенные и научно обдоказанные формы дела.

Этот элемент из содержания военной доктрины топором не вырубешь, и в таковое он должен быть уложен хотя бы непрошенным гостем.

Базируясь на такое содержание понятия единой военной доктрины, мы могли бы ее определить как *совокупность военно-государственных достижений и военных основ, практических приемов и народных навыков, которые страна считает наилучшими для данного исторического момента и которыми проникнута военная система государства от верху до низу*.

Если мы обернемся взором на Русско-Японскую войну, то мы, вероятно, с полным правом можем сказать, что Япония располагала единой военной доктриной, а Россия ею не располагала и что, может быть, в этом-то и кроется успех первой и неудача второй, по преимуществу. Было ли в России единство мысли в области поставленной государством задачи? Не было. Часть общества признавала нужным достижение теплых вод океана, исторически запрещенных нам в районе Средиземного моря или Персидского залива, другая — в задачах на Дальнем Востоке не видела ничего, кроме авантюры или создания политических пластырей. Молодое поколе-

ние солдат дралось хорошо и не было обуреваемо сомнениями, критиканством или нытьем, этой вечной могилой для победных достижений, но прибывшее позднее *другое* поколение, поколение бородачей, принесло с собою совершенно иной психологический уклад и оказалось лишь тормазом на полях сражений.

В области военных основ царил разногласия, разбивавшая общую группу начальников на одинаково мыслящие кружки; мобилизация и сосредоточение войск выполнялись нецельно, без должной руководящей идеи; царил усмотрения и импровизации. Даже в сферах практических приемов люди Киевского военного округа выполняли боевую работу по совсем иному фасону, чем, напр., люди Варшавского военного округа. Пока ограничусь одним этим примером.

Исходя из намеченного мною определения понятия об единой военной доктрине, попробую на фоне его связать те недоразумения и сомнения, которые связаны с этим понятием. Прежде всего само слово „доктрина“. Почему, говорят, это слово, а не другое? Да потому, во-первых, что близлежащие по своему содержанию слова—„наука“, „учение“, „система“—слишком подержаны на словесном рынке, а „доктрина“—по крайней мере у нас—значительно свободна. А, во-вторых, это и не так уже важно. Можно взять и другое слово, например, тарарабумбия, и исследуемое нами понятие называть „единой военной тарарабумбийей“, и это не будет худо, лишь-бы мы все *одинаково* разумели ту сумму идей, которая заключена в этих трех словах. Ведь, говорим же мы „перочинный ножик“, хотя он очень давно никаких перьев не чинит. Конечно, все-же „доктрина“ лучше „тарарабумбии“, так как ее *прямое* содержание в значительной мере совпадает с новым *переносным*, а это и в практическом, и в логическом смысле имеет свои плюсы.

Затем, поднимается вопрос о расчленении понятия военной доктрины от понятия единой военной доктрины, а некоторые прямо говорят, зачем не просто военная доктрина, а единая военная доктрина. Теоретически, конечно, можно рассматривать содержание и „военной доктрины“, как заключающей в себе ту или иную сумму идей, *не объединенных цельным единством*, но практически интересна лишь *единая* военная доктрина, т. е. сумма идей *объединенная*, так как только такая в современной жизни государств поведет к победе и природу только таковой интересно исследовать и обосновать. Ведь, не трудно себе представить несколько военных доктрин, одновременно приютившихся в одном государстве;—одна, например, половина населения в одном смысле понимает ближайшие государственные задачи, другая иначе; в сфере военных пониманий также может царить ряд течений, разрозненных между собою, и даже анархия, но какой смысл заниматься каждой из подобных военных доктрин? Разве только, чтобы сказать, что это плохо, что в истории народов это вело к поражениям, и что такое государство будет неизбежно побито другим, не совершающим греха военного расползания в разные стороны?

Рядом с понятием об „единой военной доктрине“ стоят такие понятия, как *военная наука*, *военное искусство*, *военная школа*; нельзя обойти молчанием, в чем новое понятие соприкасается и в чем расходится с этими старыми понятиями?

Я думаю, что выявлять разницу между военной наукой и единой военной доктриной едва-ли нужно, по ее очевидности. Военная наука есть совокупность обобщений в области военного дела, поднимающихся над влияниями времени, места, народа и техники т. е. совокупность тех незыблемых основоположений, кото-

рые признаются вечными, и признаются такими независимо от того, обдоказаны ли они, как законы природы (в военной науке таковых еще нет), или намечены лишь, как временные ступени, ведущие в храм этих законов,—в форме принципов, рабочих гипотез и т. п. Военная наука может быть только интернациональна. Единая военная доктрина пропикнута определенными для данного исторического момента целями и связана единством систематизированного военно-политического материала, вытекающего из этих целей. От науки она берет, когда нужно, сумму принципов для тех областей дела, где уместно и необходимо приложение этих принципов, напр., область подготовки государства к войне в широком смысле. Как дело практическое и сближенное с теорией искусства, единая военная доктрина национальна, а как система, зависящая от судеб истории, культуры народа и техники, она не чужда изменений.

С военным искусством у единой военной доктрины точки соприкосновения неизбежны, так как и то и другая занимаются, во-первых, комбинированием и приложением к жизни принципов военной науки, а, во-вторых, им свойственно в высокой мере творчество—у доктрины обще-народное по преимуществу, хотя и дополненное во многих случаях субъективным, у искусства—чаще всего субъективное, хотя на длинном периоде и в некоторые моменты истории поднимающееся до степени обще-народного (оттуда русское военное искусство такого то времени, французское и т. п.). Своим содержанием „единая военная доктрина“ шире и глубже „военного искусства“; поэтому, например, военным искусством можно было ограничиться в старые времена упрощенных войн, но и то лишь в случае войны частной, простой, а в новые времена одного военного искусства ни для какой войны не хватит, а необходимо военное единомыслие всего народа, воплощенное в лучшие конкретные формы и устремленное на определенную точку государственных упований. „Единая военная доктрина“ устойчивее, определеннее, более консервативна; „военное искусство“—более гибко, капризно, оно более творит, рискует, фангазирует. На полях сражений „единая военная доктрина“ чаще всего совпадает с „военным искусством“, но иногда может и разойтись... вернее разойдется искусство с доктриной, а не наоборот. Поясню сказанное примерами.

Во 2-ю пуническую войну Рим побил Карфаген единством военной доктрины, чего у Карфагена не было. На полях сражений Аннибал бил римлян как хотел и где хотел, проявляя искусство необычной тонкости, гибкости и оригинальности, римские же полководцы в проявлении своего искусства были ординарны, вялы, неудачливы; и все же дивный гений Аннибала не мог восполнить отсутствия у пунической республики единой военной доктрины, и он был в конце-концов добит серой, но железной и всегда единой военной доктриной восходящего Рима. В этом примере мы имеем случай, когда военное искусство в своих целях и проявлении не находит поддержки в единой военной доктрине, а иногда с нею и расходится.

Действия Гинденбурга в августе 1914 г. в Восточной Пруссии иллюстрируют совпадение единой военной доктрины с военным искусством. Гинденбург, черпая решения, с одной стороны, из данных германской военной доктрины, а с другой—из глубин своего творческого духа, создает план операции, распределяет силы сообразно с этим планом, обеспечивает безопасность операции и т. д., и т. д. Словом, много творит и, как всегда на войне, много рискует, в этом выразилось проявленное Гинденбургом *военное искус-*

ство; с другой стороны, командуемые им корпуса—начальники и солдаты,—исполняя данную полководцем задачу, одухотворяют ее определенным и одинаковым настроением, вносят в дело свойственные нации точность и законченность, дополняют своим личным творчеством что либо не предусмотренное, создают решения заново, как одна семья—поддерживают друг друга и т. д.—Это германская *военная доктрина*, осуществленная массово. Мы видим, что в данном случае доктрина и искусство дополняют друг друга до крупного победоносного целого.

Наконец, разница между единой военной доктриной и военной школой главным образом количественная. Военная школа, как и всякая другая школа—художественная, литературная и т. д.—предполагает наличие *учителя*, который созданием новых форм и приемов в области того или другого искусства дает пищу целой плеяде своих последователей. Так раньше и обстояло дело с военным искусством. Если появлялся военный авторитет, обладавший к тому же педагогическим дарованием, то он создавал определенное, скажем *субъективное* военное искусство, которое передавалось его последователями от поколения к поколению, пока не изживало своего содержания и не заменялось каким-либо новым. Чем талантливее был учитель, тем он провидел дальше, смотрел шире, и тем дольше существовала его школа, и наоборот... Были военные школы Александра Македонского, у нас—Петра, Суворова; в средние века мастера военного дела—кондотьеры в Италии, вожди ландскнехтов—создавали свои кратковременные школы. Наполеон школы не оставил, так как был слишком активен и нетерпим, а главное, был плохим педагогом. Мольтке также оставил школу, но распространял ее лишь на сферы высшего вождения войск, включая сюда и работу Генерального Штаба, и тактику, т. е. школу сравнительно узкую.

Теперь, при том осложнении военного дела, которое переживает мир, роль военных школ нужно считать отошедшей в прошлое, так как трудно найти такого всеобъемлющего учителя, который мог бы оказаться на высоте современных требований. Военная школа может еще иметь место в каком либо частном углу военного дела, и в этом случае она окажется лишь одиноким, хотя и полезным кирпичиком в огромнейшем здании современной военной доктрины, но не более.

Остановлюсь теперь на различных определениях единой военной доктрины, чтобы обсудить их под углом предложенного мною. Одно из первых, принадлежащее, кажется, проф. В. Борисову, определяло военную доктрину, как *„совокупность практических приемов, которые признаются лучшими при современных условиях для приведения в жизнь вечных и неизменных принципов военного дела“*. Сконструировано определение правильно, но по содержанию оно, на наш взгляд, слишком узко. В нем, напр., нет элемента господствующих в данное время теоретических воззрений, а из них обычно вытекает взгляд и на значение крепостей, и на роль конницы, и на тот или другой тип стратегического развертывания, и на смысл или силу технических новостей, и т. д. Точно также в этом определении нет элемента государственных целей, а, как мы говорили, эти-то цели и дают свой определенный колорит доктрине, сообщая ей или дерзновенно-хищнический характер, или медлительно-осмотрительный, или денежно-политический и т. д.; раз у народа нет ясного государственного устремления, его военная доктрина будет лишена должной линии и темперамента.

Не поправляет дела определение В. Апушкина, по мнению которого доктрина есть *„совокупность уче-*

ний в круге знаний (т. е. выводы военной науки) и *совокупность правил в определенной области деятельности* (т. е. военное искусство). Это определение шире, чем у В. Борисова, но в нем нет, как и в прежнем, государственно-выровного элемента. Кроме того, в конструкции этого определения не видно целевой стороны дела, не указан национально-исторический характер доктрины. Пред нами чисто теоретический архив идей, на одних полках которого сложены дела военной науки и на других—дела военного искусства. никому не сдухотворяющие, никому как-будто не нужные и ожидающие терпеливо пыли, чтобы под нею скрыть свое чисто книжное мудрствование.

Третье определение. *Военная доктрина является тактическим миросозерцанием, находящимся в тесной связи с условиями эпохи и характером народа и войск.*

С конструктивной стороны определение не может вызвать возражений, но слово „тактическое“ слишком суживает содержание понятия. Если держаться подобного определения, то его необходимо было бы расширить хотя-бы в таком смысле: *„военная доктрина есть военное миросозерцание данной страны в определенный для нее исторический момент“*. Тогда добавка о „тесной связи...“ будет излишня, так как в понятие миросозерцания сам собою войдет и генетический элемент, и элемент зависимости и связи с корнями истории и народа.. Другим военное миросозерцание, чтобы не потерять своего реального содержания, быть не может. Но и определение в приведенной более широкой форме все же будет грешить отсутствием простоты, будет слишком общее, более пригодно для философского изложения, чем для популярного изложения военных идей в массах. Слабо намечена в нем также целевая сторона дела, так как легко прокрадывается в голову мысль о возможности бесцельного миросозерцания, очень полного и обстоятельного, но сводящегося к искусству для искусства.

Затем: *Военной доктриной называется угол зрения, под которым понимается военная история и освещается ее опыт и поучение*. С этим определением едва-ли можно согласиться ни со стороны его содержания, ни с точки зрения происхождения доктрины. Что военная история является первоисточником для содержания, объема и качества доктрины, спорить нельзя, но и при всем своем значении военная история не питает столь массивного и сложного питомца, каковым—по нашему, по крайней мере, понимаю—является военная доктрина. Да и с познавательной точки зрения нельзя слишком большой суммы понятий создать одним путем анализа, необходима хотя бы передышка или временная опора на синтез, а во многих случаях придется прибегнуть и запросто к интуиции. Это методологическая сторона дела. Но главное сомнение коренится в невозможности довольствоваться одной военной историей и обойтись без других источников, в роде *общей* истории народа, национальных его особенностей, экономических факторов.. Процесс создания той доктрины, которую мы мыслим, на свой, может быть, лад, нам рисуется более сложным, пропущенным чрез многогранную призму судеб народа в прошлом, его текущих тревог и верований, его экономики, национального уклада, государственного строя. словом, всего народного бытия в прошлом, настоящем и будущем. И, наконец, если доктрина есть только *угол зрения*, под которым понимается история, то это, ведь, совершенно еще не говорит о тех или иных практических стезях и уклонах, которые пойдут вслед,

хотя-бы за *правильным восприятием истории* Пред нами только *метод* оценки или создания доктрины, но нет еще вытекающего из этого метода содержания.

Далее. *Военная доктрина есть сумма наставлений и уставов, издаваемых подлежащей властью.* После нами сказанного мы считаем себя в праве подробно на этом определении не останавливаться. Трудно себе представить какое-либо военное искусство или военную школу, которые обходились бы без наставлений и уставов, хотя-бы в самой первичной форме, хотя-бы в форме правил, заучиваемых на-слух. Это та предельная сумма форм и приемов, для всех военных обязательная, без фона которой не мыслимо проявление военного искусства. Уставы и наставления это не военная доктрина, это первая ступень объединения, это элементарно необходимый фундамент, без которого не может строиться никакое здание военного дела вообще.

Наконец, есть такое определение. *Военная доктрина есть пророческий глаз военного гения.* В истории наук наблюдается три рода учений: жизненное или практическое, кабинетное или теоретическое и пророческое. Первым называется такое, которое из теоретических высот спустилось на землю, к народу, проникает его толщу и вызывает в мире людей злые или благие результаты. Условие жизненности учения это признание его массою, верование в него. Таков ныне социализм, идущий по земле завоевателем. Кабинетным учением будет то, которое живет еще в тиши кабинетов и является достоянием лишь узкого круга специалистов. Учение может воплощать несомненную истину, но оно бесплодно, так как масса его не знает. Об этом хорошо говорит историк Ключевский в предисловии к одному из своих трудов В истории наук известно много примеров подобных кабинетных учений. Метод „исчерпывания“, найденный Архимедом, есть ничто иное как интегральное исчисление, но нужно было более 2 т. лет, чтобы этот метод из кабинета спустился на землю и дал неисчислимы научные победы. Один неизвестный миру индус открыл решение квадратного уравнения с двумя неизвестными—одну из труднейших в свое время проблем высшего анализа—задолго до Рождества Христова, но его открытие, как и открытие Архимеда, оставалось чуждым миру, пока французский математик Лагранж вновь не нашел этого решения в конце XVIII столетия... Вот пример двух истин, заставших в свое время в стадии кабинетной изолированности.

Пророческое учение отличается от кабинетного тем, что оно не располагает и малой группой одномыслящих; оно принадлежит прозорливцу, который одиноко провидит будущее, но которому никто не верит, которого даже побивают камнями. Отожествлять доктрину—эту сложную сумму идей отвлеченного и практического содержания, воплощающую в себе огромную и притом разнообразную программу государственной деятельности, с пророческим голосом военного, хотя-бы и гения, это равносильно желанию только оттолкнуться от серьезного вопроса остроумным афоризмом. Был в древности вдохновенный безумец, который ходил по стогнам великого города и кричал: „еще сорок дней и Ниневия погибнет“. И люди поверили пророку, оделись во ветошь и покаялись все, от большого до малого,—и город не погиб. Но этот эпизод является лишь блестящим исключением на огромном фоне всяческих пророчеств. И в этом весь драматизм положения. Пророчеству нельзя отказать в истинности содержания, но ему верит только сам пророк, а „Ниневия“ обычно гибнет.